

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

А.В. Шевцов

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ Л.Е. ГАБРИЛОВИЧА В КОНТЕКСТЕ ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

Шевцов Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет). Российская Федерация, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4; e-mail: ashevzov@mail.ru

В статье рассматривается становление философской концепции русского мыслителя первой половины XX в. Леонида Евгеньевича Габриловича (1878–1953). В центре внимания автора статьи – ранние работы Габриловича дореволюционного периода, в частности его статьи «О понятиях истинности и достоверности в теории знания» (1908), «О двух научных понятиях мышления (к обоснованию одной дативистской логики)» (1909), «О значении и сущности элементарных понятий (попытка новой разработки проблемы универсалий)» (1910). Выявляется, что в своем философском творчестве Габрилович последовательно и целеустремленно проводил разработку собственной концепции, характер которой позволяет относить его философию к логико-гносеологическому направлению в русской философии XX в. В статье доказывается, что по своему замыслу и структуре рассматриваемые здесь тексты Габриловича, раскрывающие темы математического формализма, дативистской логики, являлись определенными этапами в разработке мыслителем собственной логико-гносеологической концепции, которую в книге 1914 г. он называл теорией математического мышления и актуальной формой. Делается вывод, что концепция «дативистской логики», развиваемая Габриловичем в статьях 1909 и 1910 гг., выльется впоследствии в его теорию «актуальных форм».

Ключевые слова: Л.Е. Габрилович, логико-гносеологическое учение, Леопольд Лёвенгейм, Вильгельм Шуппе, Иммануил Кант, нормативизм, имманентная философия, феноменология, формализм, концепция «актуальных форм»

Для цитирования: *Шевцов А.В.* Философское учение Л.Е. Габриловича в контексте логико-гносеологического направления в истории русской мысли XX века // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 2. С. 168–183.

Введение

Краткое историко-философское обозрение некоторых новых идей в русской философии начала XX века

Настоящая статья посвящена изучению «русского периода» (до 1918 г.) в творчестве Леонида Евгеньевича Габриловича (1878–1953) – русского философа, логика, ученого и инженера, одного из основателей Русского научно-философского общества в Париже (1930) – в контексте проблематики формирования логико-гносеологического направления в русской философии в конце XIX – начале XX в. Мы попытаемся проследить его становление как мыслителя и решить вопрос о том, к какому философскому направлению в истории русской философии можно отнести его тексты. Речь пойдет о влиянии на взгляды Габриловича некоторых актуальных на то время европейских (немецких преимущественно) философских концепций и об интерпретациях им этих концепций – своего рода характерных их перепрочтений в русской гносеологической философской мысли начала XX вв.

До 1918 г., т.е. до своей эмиграции, Габрилович испытал в философском развитии влияние таких фундаментальных теорий, как философия нормативизма, имманентная философия В. Шуппе (у Шуппе Габрилович учился в 1910–1912 гг., когда был на стажировке в университете г. Грайфсвальда) и феноменология Э. Гуссерля. Здесь мы остановимся на ранних сочинениях Габриловича: статьях «О понятиях истинности и достоверности в теории знания» (1908), «О двух научных понятиях мышления (к обоснованию одной дативистской логики)» (1909), а также «О значении и сущности элементарных понятий (попытка новой разработки проблемы универсалий)» (1910). В фокусе нашего внимания будут и некоторые другие его статьи. Надо отметить, что статьи 1909 и 1910 гг. были написаны Габриловичем на немецком языке и были опубликованы в немецком философском журнале «Архив по систематической философии»¹. Очевидно, что в тот период Габрилович находился под влиянием идей Шуппе и имманентной философии (одно время он почитал Шуппе своим учителем). Поэтому определенный интерес здесь представляет путь, по которому продвигался Габрилович в своих философских исследованиях, то усердие, с которым русский ученый последовательно и целеустремленно занимался разработкой собственной концепции.

Теория имманентной философии, создание которой в истории философии связывается с именем немецкого философа Вильгельма Шуппе (1836–1913), получила широкую известность в Европе как раз на рубеже веков², т.е. в упомянутый нами период. К примеру, в России в начале XX в. вышел целый ряд интересных исследований о философии В. Шуппе, его имманентной философии и построенных на ее основе теориях познания и логических

¹ *Gabrilovitsch L.E.* Über zwei wissenschaftliche Begriffe des Denkens (Zur Grundlegung einer dativistischen Logik) // Archiv für systematische Philosophie. 1909. Bd. XV. S. 40–52; *Idem.* Über Bedeutung und Wesen der Elementar begriffe (Versuch einer neuen Inangriffnahme des Universalproblem) // Archiv für systematische Philosophie. 1910. Bd. XVI. S. 453–497 – эти статьи вышли в нашем переводе в 2017 и 2019 гг.

² *Шевцов А.В.* Имманентная философия Вильгельма Шуппе в контексте неокантианства (к вопросу о ее рецепции в русской философии начала XX в.) // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 167–180.

учениях. В русской философии в то время происходило осваивание идей имманентной философии в рамках более отчетливого интереса к возрождению познавательного духа кантианства в соединении с ранними идеями Э. Гуссерля как своеобразного отклика на поставленный в ранней феноменологии гносеологический вопрос, а именно вопрос о следовании в познании строгой философии, если последняя хочет быть наукой. Среди отечественных мыслителей этой поры, писавших об имманентной философии, известны такие философы, как Н.О. Лосский, Г.И. Челпанов, И.И. Лапшин, В.Ф. Эрн, Б.В. Яковенко, Л.Е. Габрилович³. Одним из первых исследователей имманентной философии в России был Соломон Яковлевич Рысс (псевд. Э. Борецкая), тексты которого выходили в 1902 и 1904 гг., можно указать также В.И. Ленина, Г.Э. Ланца, С.Л. Франка.

Уже Борис Валентинович Яковенко в своей «Истории русской философии» связывал имманентный подход в философской теории познания с выходом в 1878 г. знаковой работы Шуппе «Теоретико-познавательная логика»⁴. Как это сочинение Шуппе, так и его же последующее «Начертание теории познания и логика» 1894 г. рассматривались Яковенко в качестве философских текстов обновленного направления идеализма. Яковенко хотя и не давал более или менее подробного анализа теории познания Шуппе, но он тем не менее сближал философию Шуппе с идеями неокантианцев⁵. В тот же период вышли статьи о философии В. Шуппе и у Н.О. Лосского. Концепция имманентной философии, по мысли Лосского, являлась некоторым вариантом всеединства, но в этой философии «...смешивались субъект и объект познания»⁶.

Подобный подход к имманентной философии прослеживается и в рассматриваемых нами статьях Габриловича. Так, общей характеристикой имманентной философии, которой «награждали», как правило, учение Шуппе в России, был упрек этой философии в солипсизме, то же мы видим и, например, в статье Габриловича «О крайнем солипсизме»⁷. Можно сказать, что Габрилович был не первым русским мыслителем, знавшим и критиковавшим имманентную философию Шуппе, но он был одним из тех, кто своей критикой во многом содействовал формированию представления об этой философии у отечественных мыслителей. Очевидно, Габрилович неслучайно в своих статьях рассматривал также и идеи философии Беркли (см. ниже), что в какой-то степени было традиционным для русской мысли тех лет. Таким образом, многие русские мыслители в начале XX в. характеризовали философию Вильгельма Шуппе как солипсизм.

³ См.: Габрилович Л.Е. О понятиях истинности и достоверности в теории знания // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 94. С. 463–490; Gabrilovitsch L.E. Über Bedeutung und Wesen der Elementarbegriffe. S. 453–497; Галич Л. (Габрилович Л.Е.) Новый труд по теории познания. Рец. на: И.И. Лапшин. Законы мышления и формы познания. СПб., 1908 // Русская мысль. 1908. Сентябрь. С. 140–145.

⁴ См.: Яковенко Б.В. История русской философии. М., 2003. С. 339; Шевцов А.В. Имманентная философия Вильгельма Шуппе в контексте неокантианства. С. 167–168.

⁵ См.: Яковенко Б.В. Философия Вильгельма Шуппе // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 118 (3). С. 180.

⁶ См.: Шевцов А.В. Имманентная философия Вильгельма Шуппе в контексте неокантианства. С. 168.

⁷ См.: Габрилович Л.Е. О крайнем солипсизме // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 112. С. 213–249.

Л.Е. Габрилович в истории русской философии XX века

В одном из своих ранних докладов о понимании достоверности знания, прочитанном еще 4 октября 1907 г. в Санкт-Петербургском философском обществе, на основании которого Габрилович напишет вскоре несколько статей, философ, опираясь на Виндельбанда, Риккерта и Зигварта, делает спорное заключение: «В основании теории нормативизма <неокантианства> лежит уверенность в том, что суждения можно доказывать только суждениями же, так что всякое логическое доказательство непременно есть либо силлогизм, либо индукция»⁸. В другой статье 1909 г. «Проблема абстракции» Габрилович замечает: «Наличный строй нашего непосредственного опыта играет в данном случае ту же роль, как у Канта – трансцендентальная апперцепция, – роль условия не только отвлеченного знания, но даже и конкретного опыта, т.е. переживания единичных восприятий, наделенных сознаваемыми качествами... ибо только по отношению к этому строю существуют и могут узнаваться качества»⁹. В статье «О крайнем солипсизме», вышедшей в 1912 г., Габрилович критикует Риккерта за защиту чистого трансцендентализма как разновидности солипсизма¹⁰. И в той же статье Габрилович пишет, что и «...теории интуитивизма не помогли нам преодолеть солипсизм, в том числе и теория Лосского»¹¹, очевидно, имея в виду сочинение Н.О. Лосского «Обоснование интуитивизма» (1904–1905). В этой же статье Габрилович говорит, апеллируя к У. Джемсу, что будет весьма трудно установить, что является в нашем сознании актуальным, а что потенциальным, заключая: «Основное же ядро моей мысли – что каждая попытка мышления ограничить или завершить данность, немедленно опровергается опытом – вовсе не встречается у Джемса. Поэтому я и могу считать учение Джемса всего только психологической иллюстрацией к моим гносеологическим тезисам»¹².

Заметим, что написанную ранее, в 1910 г., статью Габриловича «О значении и сущности элементарных понятий (попытка новой разработки проблемы универсалий)» можно считать дальнейшим развитием темы его предшествующей статьи 1909 г. «Проблема абстракции (об основаниях достоверности суждений, исключения из которых непредставимы)», которая, в свою очередь, сама становится предметом развития в статье 1912 г. «О крайнем солипсизме». Очевидно, после положительных результатов статьи «Проблема абстракции...» Габрилович подготовил статью «О значении и сущности элементарных понятий» уже на немецком языке и опубликовал ее в немецком философском журнале «Архив по систематической философии»¹³, либо же, что тоже возможно, «Проблема абстракции» была для

⁸ Габрилович Л.Е. О понятиях истинности и достоверности в теории знания. С. 476. С этим утверждением Габриловича трудно согласиться, оно говорит о том, что автор не вполне понимал, в чем состоит сущность нормативизма.

⁹ Габрилович Л.Е. Проблема абстракции (об основаниях достоверности суждений, исключения из которых непредставимы) // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98. С. 466–467.

¹⁰ Габрилович Л.Е. О крайнем солипсизме. С. 227.

¹¹ Там же. С. 229.

¹² Там же. С. 236.

¹³ См.: *Gabrilovitch L.E. Über Bedeutung und Wesen der Elementarbegriffe*. S. 453–497; Габрилович Л.Е. О значении и сущности элементарных понятий (попытка новой разработки проблемы универсалий) // Труды и переводы. 2019. № 1 (2). С. 249–276.

Габриловича прообразом (или развитием) также анализируемой нами здесь статьи «О двух научных понятиях мышления (к обоснованию одной дати-вистской логики)», которую Габрилович тоже напишет на немецком языке и которая будет издана в 1909 г. в том же «Архиве по систематической философии»¹⁴.

Итак, приверженцы имманентной философии утверждали, «...что мир конструируется сознанием, в том числе и непознаваемое, как, например, вещи в себе»¹⁵. У Н.О. Лосского и у Г.И. Челпанова есть характеристики концепций как самого В. Шуппе, так и последователей имманентной философии И. Ремке, М. Кауфмана, Р. Шуберт-Зольдерна, Л. Леклера. Габрилович в своей статье 1910 г. писал о реальности существования объективного мира, совершенно точно характеризуя концепцию Шуппе: «...реальный мир существует как объективность для каждого сознания в разной степени готовности...»¹⁶. В восьмой главе этой статьи Габрилович поясняет эту мысль, ссылаясь на гуссерлевский реализм¹⁷: к примеру, красное пятно мы фиксируем, а в следующий момент сам красный цвет мы будем видеть только краем глаза, не отдавая себе отчета в этом «красном» как не главном, тогда как главным будет автомобиль знакомого (он красный) или красный берет девушки и т.д. В этом отношении идея Габриловича об устройстве мышления, представленная им как образование многоуровневых связей и соподчинений в виде «актуальных форм опыта», тогда оказывалась выполненной в виде одной из продуктивных теорий сознания, выработанных на базе осмысления имманентной философии В. Шуппе, неокантианских или, как тогда говорили, нормативистских познавательных идей и феноменологии, а также логики. Такая конфигурация постановки этого вопроса имела бы свою определенную исследовательскую перспективу в изучении логико-гносеологического направления русской философии. Кстати, надо сказать, что Габрилович очень хорошо знал не только А.И. Введенского, но и М.И. Каринского; о последнем и о его книге «Об истинах самоочевидных» он очень хорошо отзывался¹⁸.

В своей статье 1913 г. «Так называемый “формализм” в математике и его отношение к теории знания» (первоначально прочитанный Габриловичем в виде доклада 30 октября 1912 г. на заседании Санкт-Петербургского философского общества) мыслитель высказывал предположение: «Кант сводит математическое познание к созерцанию, формализм же, даже в своей умеренной разновидности, старается если не совсем уничтожить созерцание, то свести его до крайнего минимума. <...> Между крайним же формализмом и Кантом существует еще большая противоположность»¹⁹. Далее в этой статье Габрилович, соглашаясь с Кантом в том, что математика конструирует свои объекты, говорил, что такое конструирование «...не имеет

¹⁴ См.: *Gabrilovitch L.E. Über zwei wissenschaftliche Begriffe des Denkens // Archiv für systematische Philosophie. 1909. Bd. XV. S. 40–52.*

¹⁵ См.: *Шевцов А.В. Имманентная философия Вильгельма Шуппе в контексте неокантианства. С. 170.*

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: *Габрилович Л.Е. О значении и сущности элементарных понятий. С. 254–255.*

¹⁸ *Шевцов А.В. М.И. Каринский и русская гносеология конца XIX – начала XX века. М., 2017. С. 255–261.*

¹⁹ *Габрилович Л.Е. Так называемый «формализм» в математике и его отношение к теории знания // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 119. С. 505.*

ничего общего с типичным для современной математики чисто мысленным процессом конструкции, состоящим в усложнении сочетаний»²⁰. Таким образом, уже в этой своей статье Габрилович прорабатывал теорию математического мышления и понятия о так называемой «актуальной форме», замысел которой будет воплощен им в книге «О математическом мышлении и понятии актуальной формы»²¹ и которая в 1914 г. будет опубликована в Берлинском издательстве Леонарда Симиона.

К обоснованию некоторой «датовистской логики», 1909 г.

Обоснованию замысла новой теории познания как некоей модернизированной философии, которая должна была бы строиться на современном основании фундаментальной философской науки, именно на обновленной логике, Габрилович посвятил свою статью 1909 г. на немецком языке «О двух научных понятиях мышления (к обоснованию одной дативистской логики)»²², написанную под сильным влиянием философии Шуппе. В начале XX в. и в немецкой, и в русской философии в качестве такой «нормативной» дисциплины для философии понимали не столько логику, формальную или символическую, сколько именно психологию²³.

В этой статье по обоснованию дативистской логики Габрилович выделил десять пунктов. Сама формулировка названия – «датовистская логика», – вероятно, по мысли Габриловича, должна была отсылать к некоему отношению в этой логике, которое подчеркивалось бы указанием на дательный падеж (*dativ*, дательный падеж, нем.). Остановимся на некоторых из этих пунктов подробнее. В первом таком пункте, или главе, Габрилович продумывает вопрос о самом мышлении (что такое мышление) и показывает, что мышление осуществляется в определенных переживаниях. Философ здесь замечает, что понятия и суждения – «очень сложно фиксируемые и очень сложно анализируемые составные части нашего непосредственного опыта, <и которые, как правило, выступают не изолированно, но они возникают> в тесном соединении со словами и предложениями»²⁴ нашего языка, т.е. находясь в некоторых отношениях к чему-то или к кому-то. Поэтому наше восприятие и анализируемые впечатления таковых восприятий не однозначны; любые, даже простые, восприятия как бы окутаны некоторым «ореолом» наших же психических феноменов, связанных с нашим опытным освоением предметов и вещей, и если мы хотим из этого смутного ореола частичных более или менее устойчивых форм получить что-то конкретное и определенное,

²⁰ Там же. С. 511. Философское отношение Габриловича к Канту и теории познания очень хорошо показано в статье Г.Е. Аляева (*Аляев Г.Е.* «Царство духа должно быть свободным и многоцветным» (Леонид Габрилович и Семён Франк) // *Философский полилог*. 2018. Вып. 2 (4). С. 105–106, 111–113.

²¹ *Gabrilovitsch L.E.* Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form. Berlin, 1914.

²² *Габрилович Л.Е.* О двух научных понятиях мышления (К обоснованию одной дативистской логики) // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2017. Т. 10. № 1. С. 78–88.

²³ См.: *Маслин М.А.* Разноликость и единство русской философии. СПб., 2017. С. 281–285; *Shevtsov A.* Is ethics a logic? Sergei Rubinstein's interpretation of Hermann Cohen's ideas // *SHS Web of Conferences*. 2023. Vol. 161. DOI: 10.1051/shsconf/202316105003.

²⁴ *Габрилович Л.Е.* О двух научных понятиях мышления. С. 79.

которое и можно будет уже назвать определенным знанием о предмете, то, уходя «...от этого туманного ореола к чему-то более постоянному и понятному, пытаемся определить созерцаемое содержание (*Gehalt*), которое показывается посредством слов и ассоциированных с ними значений (*Inhalt*)»²⁵. Поэтому, по заключению Габриловича, психология для этой цели подходит лучше, чем логика, которая имеет дело только со значениями мыслимых образований. Габрилович здесь указывает на пример, приведенный его научным руководителем по Санкт-Петербургскому университету А.И. Введенским: выражение типа «деревянное железо» для логики не имеет никакого смысла, тогда как для психологии оно имеет смысл, так как мы такие высказывания понимаем. В третьем рассуждении Габрилович характеризует, с одной стороны, неокантианский подход к получаемому истинностному суждению, и с другой – показывает суть отношения к этому же вопросу имманентной философии. Так, он пишет, что, по мнению нормативистов, «[п]оскольку чистое переживание содержаний сознания не эквивалентно знанию о действительности (эта действительность также может пониматься как чисто имманентный непосредственный опыт), то не может быть никакой известной действительности, с которой правильность наших суждений могла бы сопоставляться... Отсюда... критерий истины лежит не вне осуществляемых нами суждений, но в самих этих суждениях, поскольку судящее сознание, так сказать, само создает любой вид известной действительности»²⁶. Возникает противоречие: в нормативизме как раз и старались избавиться от психологизмов, но в том же нормативизме «...тем не менее, рассматривают наши понятия и суждения как психологические образования»²⁷, в самом нормативизме (неокантианстве) психологизмы не замечают, наоборот, их фиксируют, но утверждают, что это происходит из сферы психологической. Отсюда Габрилович приходит к постановке такого вопроса: что же нам тогда дает право принимать или отбрасывать определенные связи между представлениями, если эти связи образуются «...как чисто психологический факт, который не имеет ничего общего с объективным логическим смыслом наших суждений; более того, <это> принадлежит к тому же классу чисто психологически-эмпирических критериев истины, к которому можно отнести, например, “непосредственное чувство очевидности”, зигвартовское “чувство логической необходимости”, а также все другие подобные удостоверяющие истину чувства»²⁸? Поэтому, «...если оно также является чувством долга, относится к психической стороне мышления, [то] оно является психическим феноменом, сопровождающим связи определенных мыслительных данных (*Denkdaten*), связи определенных психических образований, но не имеет ничего общего с объективным значением этих данных...»²⁹. В шестом рассуждении Габрилович делает следующий вывод о некоем замкнутом круге, с которым сталкивается нормативизм: «...чтобы понять смысл понятия, <мы> либо должны осуществить бесконечный ряд суждений, либо исходить из некоторого числа элементарных понятий, которые вообще не понимаются, поскольку всегда выступают в качестве предиката суждения, но никогда

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 80.

²⁷ Там же. С. 81.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

не выступают в качестве субъекта суждения»³⁰. В повседневном опыте мы имеем дело с понятиями, которые далее не поддаются уточняющему осознанному определению, но строго различаются нашим рассудком. Например, как полагает Габрилович, понятия цветов не только существуют, но и имеют твердое значение: «То, посредством чего зрительные, слуховые или тактильные ощущения отличаются от ощущений запаха, не может быть выражено понятийно»³¹.

В восьмой главе статьи Габрилович делает ключевой вывод о существовании объективной действительности: «Эта действительность является непосредственно данной, однако не в атомистическом понимании, как скопление разрозненных элементов, а как упорядоченное целое непосредственно связанных друг с другом содержаний. Фактическое есть, в известном смысле, система, она основывается на группах содержаний, которые, начиная с единичных данных, объединяются в единства все более высокого уровня, вплоть до последнего всеобъемлющего единства – совокупности фактически данного (непосредственного опыта)»³². Отсюда следует, что «...как только мы обнаруживаем смысл элементарного понятия, мы имеем перед собой определенную взаимосвязанную группу наглядных содержаний опыта»³³. Или, иными словами, мы постоянно представляем смысл этих групп наглядных содержаний актуального опыта, которые можем объяснять (верифицировать) как психические представления в той или иной конфигурации и снова возвращаться к другой верификации через логическое устройство нашего сознания в понятийном (логическом) аспекте. Например, можно изучать системы логики от возникновения силлогистики Аристотеля, а можно это же самое изучать через призму истории философии. Таким образом, как резюмирует Габрилович, различие между логическим и психологическим смыслом состоит в том, что: «...наши элементарные понятия ведут к такой фактической организации нашего опыта, которая если даже не дана в каждый момент как непосредственно наличная система, то все-таки как систематический порядок фактически констатируемых единств дает всем нашим суждениям их единственно возможный смысл»³⁴. Габрилович называл свою теорию *датовизмом*, понимая ее как некоторую комплексную теорию о связи обнаруживаемой смысловой сознательной связности с мышлением и психическими понятийными представлениями.

О работе Л.Е. Габриловича «О значении и сущности элементарных понятий (попытка новой разработки проблемы универсалий)», 1910 г.

Уже в первой главе статьи «О значении и сущности элементарных понятий (попытка новой разработки проблемы универсалий)» Габрилович определяет предмет содержаний нашего опыта как то, что составляет фактические содержания этого опыта; чистые, так сказать, содержания без значений и есть содержания указательные, которые функционируют как представители

³⁰ Там же. С. 83.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 85.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 87.

чего-то, лежащего вне непосредственного переживаемого содержания опыта. Например, это образы, картинки из памяти. Так, если мы говорим о движении как таковом, то такими сторонними картинками могут быть пришедшие на ум образы опыта управления автомобилем, сигналы светофора, воспоминания этого опыта, некие обрывки из памяти. При этом непосредственно к предмету данного опыта они могут и не относиться, если предмет нашего опыта связан, к примеру, с решением задачи из физики. Габрилович заключает: «Нам необходимо строго различать понятия и понятийные представления. Понятийное представление есть психическое»³⁵. Само понятие, по Габриловичу, не является каким-либо переживанием, но оно есть объективное отношение, на которое указывает понятийное представление. Поэтому сами психические представления являются значениями понятийных представлений, представляющими признаки понятия. Во второй главе Габрилович вводит дифференцирование для элементарных понятий как отличия между представлением понятия и значением этого понятия: «Мое настоящее представление зеленого не есть качество зеленого, которым это качество символически замещаю. Число π не есть адекватное представление...»³⁶. В сознании все представляющееся будет являться только как отчасти объективно существующее, т.е. как то, что «...отвечает смыслу этих понятий, однако это объективно сущее не будет ни представлением понятия, ни вообще психическим содержанием, единичным непосредственным переживанием»³⁷. То есть, условно говоря, образы представлений только отчасти напоминают фрагменты представлений понятий – в следующий момент этот набор представлений может видоизмениться, но мы по-прежнему можем как бы угадывать в новом наборе психических представлений тот же самый образ представлений вещей, представляющий то же самое понятие. Очевидно, здесь ходом таких рассуждений Габрилович нащупывает и обозначает психическое как часть логического, т.е., что любая формальная логика будет неполной, если она не будет учитывать психическое.

Во второй главе Габрилович совершенно справедливо ставит вопрос: «...что все-таки показывает элементарное понятие? Где искать то объективное, которое производит его смысл (наполняет это понятие смыслом)? <...> Что мы полагаем, когда говорим “красный” или “два”?»³⁸. Габрилович это называет здесь новой постановкой старого вопроса о сущности универсалий, неким номинализмом: раз имена есть универсалии, то они ни в коем случае не могут быть и единичными содержаниями (с этим выводом трудно согласиться, не все имена суть универсальные понятия, они могут обозначать и единичное содержание).

В третьей главе Габрилович выделяет три класса понятий: 1) родовые, 2) качественные и 3) понятия реляций. Здесь он указывает, что в наших представлениях понятия все понятия качеств, так или иначе, сводятся к понятиям реляций. Так, «...при каждом обращении к понятию мы пользуемся первоначальным единичным представлением и установлением его, сличая с теми же самыми <представлениями>. Поэтому значением элементарного понятия будет – “действительное все то, что подобно вот именно этому

³⁵ Габрилович Л.Е. О значении и сущности элементарных понятий. С. 250.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 252.

данному»³⁹. В пятой главе статьи Габрилович возводит ход своих рассуждений к воззрениям, представленным Э. Гуссерлем, подтверждая этим, что в качестве одного из столпов, на котором базировалось гносеологическое учение Габриловича, выступает феноменологическое учение. Согласно Габриловичу, Гуссерль исчерпывающе показал, что основания нормативизма в новейшей философии сводились к чистейшему психологизму – об этом Габрилович и писал еще в своей статье 1909 г.⁴⁰

В шестой главе этой статьи Габрилович обращается к коррекции положения, восходившего к Беркли, которое удачно сделал русский философ, логик Александр Иванович Введенский (научный руководитель Габриловича в Санкт-Петербургском университете): «...единичное представление всегда встречается однородным равным себе так, что наша внимательность концентрируется на его (единичного представления. – А.Ш.) всеобщих признаках»⁴¹. Габрилович здесь возражает Беркли, дополняя мысль Введенского: если мы «...в доказательстве прибегаем к использованию любого единичного представления, то мы должны знать, что те признаки, на которых мы концентрируем нашу внимательность, вообще присущи всем однородным объектам, и даже тем, чьи представления в данный момент не возникают в нашем сознании». Значит, берклианское описание концепции должно дополняться следующим образом: «Концентрация внимательности на всеобщих признаках сопровождается знанием того, что эти признаки всеобщей природы, и это знание есть не осмысленной природы, т.е. не может редуцироваться к ощущениям и их репродукциям»⁴². Отсюда и вывод Введенского, как уточняет его Габрилович: «...концентрация внимательности на признаках некоторого единичного представления сопровождается чистой мыслью ее всеобщности... Что будет чистой мыслью с ее позитивной стороны? <По Габриловичу>, чистая мысль должна определяться как суждение о всеобщности определенных признаков – как суждение <о том, что> такие-то и такие-то признаки не индивидуальные, но всеобщие»⁴³. Но в этом допущении Габрилович увидел у Введенского установку «...на кантовский критический априоризм, которая должна быть обоснована по-новому: поскольку действительно доказывалось, что каждому понятию, всякому знанию о Всеобщем соответствует суждение в своей предпосылке, то это дает абсолютно не доказываемые, абсолютно априорные суждения, на которых целиком обосновывается наше познание»⁴⁴. Отсюда Габрилович заключает, что в этом допущении соединился критицизм русского кантианства с нормативизмом Виндельбанда-Риккерта, ссылаясь на свою статью 1909 г.⁴⁵

Далее, в двенадцатой главе Габрилович повторяет, что вообще все восприятия – как единичные содержания в нашем восприятии – всегда даются в группах, которые отчетливо отделяются друг от друга: как, например, моя работа с текстом за компьютером, звуки за окном, мозаика и элементы этой мозаики. Объяснение данного образования групп, согласно Габриловичу, предпочтительнее проводить устанавливаемыми единствами. И ответ находится

³⁹ Там же.

⁴⁰ Габрилович Л.Е. О двух научных понятиях мышления. С. 81.

⁴¹ Габрилович Л.Е. О значении и сущности элементарных понятий. С. 253.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 254.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Габрилович Л.Е. О двух научных понятиях мышления. С. 80–81.

в узнавании некоторого согласия, совпадения между наглядными, образными представлениями. Габрилович это выводит из теории Юма: «...познание есть принятие данного содержания в некоторое множество определенных, созерцаемых представлений: $a, b, c, d, \dots x$ »⁴⁶. Но отсюда мы переходим в бесконечный процесс перебора, и «...всякое любое содержание состоит в бесчисленных отношениях <реляциях> сходства с иными созерцаемыми содержаниями»⁴⁷. Здесь у нас возникает несколько вопросов. Во-первых, почему Габрилович для решения задачи восприятия не воспользовался уже имевшимися разработками в физике и биологии? Например, красный цвет имеет одну конкретную длину волны, поэтому сам красный цвет – это некая стабильность и вычислимость, и длина волны для красного цвета не меняется. Во-вторых, вопрос о сходстве между сходствами и т.п. до бесконечности тоже может быть проблемой – если не физики, то проблемой философского абстрагирования, о чем Габрилович и говорит здесь⁴⁸, ссылаясь на свою статью «Проблема абстракции»⁴⁹.

В двадцать первой главе Габрилович объединяет Гегеля и Марбургскую школу неокантианцев или нормативистов, говоря, что, мол, им принадлежит большая заслуга – все априорное знание должно иметь в своем фундаменте систему мыслимых элементов: «Мир идеальных определений <понятий> возможен только как система идей»⁵⁰. Габрилович и Гегеля, и нормативистов называет здесь панлогистами, и характерным заблуждением панлогистов будут такие утверждения, в которых они «...делят все факторы процесса познания на наглядно-образные и несозерцаемые, и называют первые Данным, а вторые – Мышлением... Итак, содержанием будет для данного подразделения психологическое (или вообще, эмпирическое), формой же – логическое (трансцендентальное, *a priori*)»⁵¹. Под занавес этой своей большой статьи Габрилович делает вывод: «Полностью априорное знание, как, главным образом, математический анализ, базируется на другом классе, который потребует особого исследования – это будут *понятия реляций*»⁵². Философ увидел в этом перспективу для обоснования логики нового типа, которую он называл дативистской логикой и поэтому видел в ней определенную перспективу для логики научного типа, логики нового, технологически устроенного мира.

В 1914 г. у Габриловича выйдет важная книга в Берлинском издательстве Леонарда Симиона под названием «О математическом мышлении и понятии актуальной формы». Надо сказать, что на эту книгу в следующем 1915 г. откликнется своей рецензией знаменитый берлинский математик Леопольд Лёвенгейм⁵³. Полагаем, что факт того, что Лёвенгейм довольно быстро откликнулся на исследование Габриловича своей рецензией, может говорить о некоторой близости предмета в исследованиях русского философа

⁴⁶ Габрилович Л.Е. О значении и сущности элементарных понятий. С. 259.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 261.

⁴⁹ Габрилович Л.Е. Проблема абстракции. С. 444.

⁵⁰ Габрилович Л.Е. О значении и сущности элементарных понятий. С. 272.

⁵¹ Там же. С. 274.

⁵² Там же. С. 276.

⁵³ Löwenheim L. Leonid Gabrilovitsch, Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form. Berlin, 1914 // Archiv für systematische Philosophie. 1915. Bd. 21. H. 1–4. S. 101–102.

и немецкого математика. Действительно, концепция этой книги Габриловича близка теореме Лёвенгейма-Скулема, о чем мы будем говорить в следующих статьях. Может возникнуть вопрос: это сочинение и есть та самая книга, о которой говорил в предыдущих, рассмотренных здесь работах сам Габрилович или же это совсем другое его сочинение? Наше резюме: да, это именно и есть та самая книга о дативистской логике, первоначально задумывавшаяся Габриловичем под таким названием, но за определенное время его работы над воплощением этой задумки название изменилось, что отразило в свою очередь разработку философом концепции «актуальных форм». В математическом мышлении раскрывается актуальная форма опыта посредством дативистской логики. В этом контексте нет никакого противоречия. Мыслитель работал со времени анализируемых в настоящей статье работ, т.е. с 1908–1910 гг., над концепцией своего центрального сочинения.

Выводы

Таким образом, мы получили ряд выводов, работая над изучением философских сочинений Л.Е. Габриловича дореволюционного периода. Главный вывод состоит в том, что наследие Габриловича еще нуждается в основательном изучении. Почему оно не изучалось – это вопрос, скорее, риторический. Возможно, в связи с революционными годами и вынужденной эмиграцией Габриловича он был неактуален. Но, по крайней мере, теперь труды этого мыслителя могли бы привлечь большее внимание исследователей, занимающихся историей русской философии. В этом плане интересны работы о его философии Г.Е. Аляева, в частности об общении и переписке Габриловича с С.Л. Франком⁵⁴ и Е.В. Сердюковой в контексте изучения переписки Л.Е. Габриловича с Н.О. Лосским⁵⁵. Еще несколько выводов, которые мы сделали в процессе работы над так называемым русским периодом творчества Габриловича. Во-первых, отвечая на вопрос, хорошо ли знал Габрилович философию критикуемого им нормативизма (неокантианства), ответим – нет, не знал, по крайней мере, не знал глубоко ни Риккерта, ни Наторпа (хотя у Габриловича и готовилась к публикации рецензия на «Логические основания точных наук» П. Наторпа). Габрилович придавал большое значение изучению идей Канта, Рассела, Риккерта, Виндельбанда, Когена⁵⁶ и Наторпа, однако строго проведенного анализа положений этих мыслителей у самого Габриловича мы не нашли (детальное изучение испытанного и усвоенного их влияния на мысль Габриловича потребует дальнейших исследований). Во-вторых, в действительности философию Габриловича – а именно его концепцию «дативистской логики» – надо рассматривать в качестве не до конца проработанной теории логики отношений. В связи с этим мы попытались показать представленные в данной статье тексты

⁵⁴ См.: Аляев Г.Е. «Царство духа должно быть свободным и многоцветным». С. 98–142.

⁵⁵ См.: Сердюкова Е.В. История русской философии или летопись русской мысли? Дискуссия о русской философии Н.О. Лосского и Л. Галича (Л.Е. Габриловича) // Вестник РХГА. 2020. Т. 21. Вып. 3. С. 209–231.

⁵⁶ См.: Shevtsov A. Is ethics a logic? Sergei Rubinstein's interpretation of Hermann Cohen's ideas.

Габриловича в общем контексте с его же итоговой «небольшой книгой»⁵⁷ «О математическом мышлении и понятии актуальной формы». Собственно «датовистская» логика, точнее, логика «отношений» в этом сочинении Габриловича 1914 г. получит обозначение логики «реляций». В-третьих, исходя из этого напрашивается вывод, что представленные только в таком порядке статьи и книга Габриловича обретают свой определенный законченный вид и смысл. Тексты Габриловича, рассматриваемые иначе, взятые как отдельные сочинения, не скрепленные одной идеей (или несколькими идеями одного порядка), могут указывать на эссеистику автора, на философские рассуждения и т.п., но не на заявленное им самим математическое мышление и логику актуальных форм. Таким образом, проведенная здесь реконструкция творческой мысли Габриловича, а также рассмотрение ее связи с имманентной философией Шуппе, феноменологией Гуссерля и нормативизмом (неокантианством) позволяет отнести его философию к определенному логико-гносеологическому направлению русской философии начала XX в. Проведенный анализ сочинений Габриловича, до сих пор еще не получивших достаточной степени известности в современной русской философской литературе, несомненно, может послужить ее обогащению и восполнить существующие лакуны в изучении логико-гносеологического направления в истории русской философии XX в.

Список литературы

- Аляев Г.Е. «Царство духа должно быть свободным и многоцветным» (Леонид Габрилович и Семён Франк) // Философский полилог. 2018. Вып. 2 (4). С. 98–142.
- Бажанов В.А. Вступительная статья: Логико-гносеологические исследования в России первой половины XX века // Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / Под ред. В.А. Бажанова. М.: РОССПЭН, 2012. С. 5–14.
- Габрилович Л.Е. О двух научных понятиях мышления (к обоснованию одной дативистской логики) / Пер. с нем. А.В. Шевцова // Философский журнал / Philosophy Journal. 2017. Т. 10. № 1. 2017. С. 78–88.
- Габрилович Л.Е. О значении и сущности элементарных понятий (попытка новой разработки проблемы универсалий) / Пер. с нем. А.В. Шевцова // Труды и переводы. 2019. № 1 (2). С. 249–276.
- Габрилович Л.Е. О крайнем солипсизме // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 112. С. 213–249.
- Габрилович Л.Е. О понятиях истинности и достоверности в теории знания // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 94. С. 463–490.
- Габрилович Л.Е. Проблема абстракции (об основаниях достоверности суждений, исключения из которых непредставимы) // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98. С. 466–467.
- Габрилович Л.Е. Так называемый «формализм» в математике и его отношения к теории знания // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 119. С. 471–513.
- Галич Л. (Габрилович Л.Е.) Новый труд по теории познания. Рец. на: И.И. Лапшин. Законы мышления и формы познания. СПб., 1908 // Русская мысль. 1908. Сентябрь. С. 140–145.
- Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб.: Изд-во РХГА, 2017.

⁵⁷ См. рецензию Л. Лёвенгейма на «О математическом мышлении и понятии актуальной формы»: Löwenheim L. Leonid Gabrilovitsch, Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form. Berlin, 1914. S. 102.

- Сердюкова Е.В. История русской философии или летопись русской мысли? Дискуссия о русской философии Н.О. Лосского и Л. Галича (Л.Е. Габриловича) // Вестник РХГА. 2020. Т. 21. Вып. 3. С. 209–231.
- Шевцов А.В. Имманентная философия Вильгельма Шuppe в контексте неокантианства (к вопросу о ее рецепции в русской философии начала XX в.) // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 167–180.
- Шевцов А.В. М.И. Каринский и русская гносеология конца XIX – начала XX века. М.: Мир философии, 2017.
- Яковенко Б.В. История русской философии / Пер. с чеш. Ю.Н. Солодухина. М.: Республика, 2003.
- Яковенко Б.В. Философия Вильгельма Шuppe // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 118 (3). С. 175–223.
- Gabrilovitch L.E. Über Bedeutung und Wesen der Elementarbegriffe (Versuch einer neuen Inangriffnahme des Universalproblem) // Archiv für systematische Philosophie. 1910. Bd. XVI. S. 453–497.
- Gabrilovitch L.E. Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form. Berlin: Verlag v. Leonhard Simion, 1914.
- Gabrilovitch L.E. Über zwei wissenschaftliche Begriffe des Denkens (Zur Grundlegung einer dativistischen Logik) // Archiv für systematische Philosophie. 1909. Bd. XV. S. 40–52.
- Löwenheim L. Leonid Gabrilovitch, Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form. Berlin, 1914 // Archiv für systematische Philosophie. 1915. Bd. 21. H. 1–4. S. 101–102.
- Shevtsov A. Is ethics a logic? Sergei Rubinstein's interpretation of Hermann Cohen's ideas // SHS Web of Conferences. 2023. Vol. 161. DOI: 10.1051/shsconf/202316105003.

The philosophical teaching of Leonid Gabrilovich in the context of the logical and epistemological direction in the history of Russian thought of the 20th century

Alexandr V. Shevtsov

Moscow Aviation Institute (National Research University). 4 Volokolamskoye shosse, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: ashevzov@mail.ru

The article discusses the formation of the philosophical concept of Leonid Evgenievich Gabrilovich (1878–1953), a Russian thinker of the first half of the 20th century. In the Russian period of creativity, i.e. until 1918, as it is shown in the article, in his philosophical development Gabrilovich experienced the influence of such fundamental theories as the philosophy of normative, immanent philosophy of W. Schuppe and phenomenology of E. Husserl. The article studies the following articles by L.E. Gabrilovich of the first, “Russian” period: “On the concepts of truth and reliability in the theory of knowledge” 1908, “On two scientific concepts of thinking (to justify one dativist logic)” 1909, “On the meaning and essence of elementary concepts (an attempt at a new development of the problem of universal concepts)” 1910, as well as some others. It is shown that in his philosophical work L.E. Gabrilovich consistently and purposefully followed the development of his own concept, the nature of which makes it possible to attribute his philosophy to the logical and epistemological direction in Russian philosophy of the 20th century. The article proves that according to their ideas and structure, the analyzed texts of Gabrilovich revealed the themes of mathematical formalism, dativist logic, at the same time they were the main stages in the development of his own logical and epistemological concept as mathematical thinking and the actual form. L.E. Gabrilovich outlined the results of these developments in the book “On Mathematical Thinking and the Concept of the Actual Form”, a 1914 essay written by him in German. It is concluded that the concept of “dativist logic”, developed by Gabrilovich in articles of 1909 and 1910, will later result in his theory of “actual forms”.

Keywords: Leonid Gabrilovich, logical and epistemological doctrine, L. Löwenheim, Wilhelm Schuppe, Immanuel Kant, normative, inherent/immanent philosophy, phenomenology, the concept of “actual forms”, theory of knowledge

For citation: Shevtsov, A.V. “Filosofskoe uchenie L.E. Gabrilovicha v kontekste logiko-gnoseologicheskogo napravleniya v istorii russkoi mysli XX veka” [The philosophical teaching of Leonid Gabrilovich in the context of the logical and epistemological direction in the history of Russian thought of the 20th century], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 2, pp. 168–183. (In Russian)

References

- Alyae, G.E. “Tsarstvo dukha dolzhno byt’ svobodnym i mnogozvetnym (Leonid Gabrilovitch i Semyon Frank)” [The kingdom of the spirit must be free and multicolored] (Leonid Gabrilovich and Semyon Frank), *Filosofskiy politolog / Philosophical poliloge*, 2018, Iss. 2 (4), pp. 118–142. (In Russian)
- Bazhanov, V.A. “Logiko-gnoseologicheskiye issledovaniya v Rossii pervoy poloviny 20 veka” [Logical and epistemological studies in Russia in the first half of the 20th century], *Logiko-gnoseologicheskoye napravleniye v otechestvennoy filosofii (pervaya polovina 20 veka): M.I. Karinki, V.N. Ivanovski, N.A. Vasilyev* [Logical and gnoseological direction in domestic philosophy (the first half of the 20th century): M.I. Karinsky, V.N. Ivanovsky, N.A. Vasiliev], ed. by V.A. Bazhanov. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, pp. 5–14. (In Russian)
- Gabrilovich, L.E. “O znachenii i suschnosti elementarnykh ponyatij (popytka novoy razrabotki problem universalny)” [On the meaning and essence of elementary concepts (attempt at a new approach to the universal concepts problem)], trans. by A.V. Shevtsov, *Trudy i perevody / Works and translations*, 2019, No. 1 (2), pp. 249–276. (In Russian)
- Gabrilovitch, L.E. “O dvukh nauchnykh ponyatyakh myshleniya (k obosnovaniyu odnoi dativistskoi logiki)” [About two scientific concepts of thought (on the basis of a dativistic logic)], trans. by A.V. Shevtsov, *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2017, Vol. 10, No. 1, pp. 78–88. (In Russian)
- Gabrilovitch, L.E. “O krajnem solipsizme” [On extreme solipsism], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1912, Vol. 112, pp. 213–249. (In Russian)
- Gabrilovitch, L.E. “O ponyatiyah istinnosti i dostovernosti v teorii znaniya” [On the concepts of truth and reliability in the theory of knowledge], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1908, Vol. 94, pp. 463–490. (In Russian)
- Gabrilovitch, L.E. “Problema abstrakzyi (obosnovaniyah dostovernosti suzhdenij, isklyucheniya iz kotorykh nepredstavimy)” [The problem of abstraction (about the grounds for the validity of judgments, the exceptions of which are unrepresentable)], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1909, Vol. 98, pp. 466–467. (In Russian)
- Gabrilovitch, L.E. “Tak nazyvayemy ‘formalizm’ v matematike i yego otnosheniya k teorii znaniya” [So-called ‘formalism’ in mathematics and its relationship to the theory of knowledge], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1913, Vol. 119, pp. 471–513. (In Russian)
- Gabrilovitsch, L.E. “Über Bedeutung und Wesen der Elementarbegriffe (Versuch einer neuen Inangriffnahme des Universalproblem)”, *Archiv für systematische Philosophie*, 1910, Bd. XVI, pp. 453–497.
- Gabrilovitsch, L.E. “Über zwei wissenschaftliche Begriffe des Denkens (Zur Grundlegung einer dativistischen Logik)”, *Archiv für systematische Philosophie*, 1909, Bd. XV, S. 40–52.
- Gabrilovitsch, L.E. *Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form*. Berlin: Verlag v. Leonhard Simion, 1914.
- Galich, L. (Gabrilovitch, L.E.) “Novy trud po teorii poznaniya: rezenziya na I. Lapshyn. Zakony myshleniya i formy poznaniya. St. Petersburg, 1908” [New work on the theory of knowledge. Review of book of I. Lapshin. Laws of thought and forms of cognition. St. Petersburg, 1908], *Russkaya mysl’*, 1908, Sept., pp. 140–145. (In Russian)

- Löwenheim, L. "Leonid Gabrilovitsch, Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form. Berlin, 1914", *Archiv für systematische Philosophie*, 1915, Bd. 21, H. 1–4, S. 101–102.
- Maslin, M.A. *Raznolikost' i edinstvo russkoy filosofii* [Diversity and Unity of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2017. (In Russian)
- Serdyukova, E.V. "Istoriya russkoy filosofii ili letopis' russkoy mysli? Diskussiya o russkoy filosofii N.O. Losskogo i L. Galicha (L.E. Gabrilovicha)" [History of Russian philosophy or chronicle of Russian thought? Discussion about the Russian philosophy of N.O. Lossky and L. Galich (L.E. Gabrilovich)], *Journal of Russian Christian Humanitarian Academy*, 2020, Vol. 21 (3), pp. 209–231. (In Russian)
- Shevtsov, A. "Is ethics a logic? Sergei Rubinstein's interpretation of Hermann Cohen's ideas", *SHS Web of Conferences*, 2023, Vol. 161, DOI: 10.1051/shsconf/202316105003.
- Shevtsov, A.V. "Immanentnaya filosofiya Vil'gel'ma Shuppe v kontekste neokantianstva (k voprosu o ejo rezepzyi v russkoy filosofii nachala 20 veka)" [The Immanent Philosophy of Wilhelm Schuppe in the Context of New-Kantianism (Toward the Question of the Reception of Immanent Philosophy in Russian Philosophy at the Beginning of the 20th Century)], *Khristianskoye Chteniye / Christian Reading*, 2018, Vol. 4, pp. 167–180. (In Russian)
- Shevtsov, A.V. *Mikhail I. Karinskiy i russkaya gnoseologiya konca 19 nachala 20 veka* [Michail I. Karinsky and Russian gnoseology at the end of the 19th beginning of the 20th century]. Moscow: Mir filosofii Publ., 2017. (In Russian)
- Yakovenko, B.V. "Filosofiya Vil'gel'ma Shuppe" [The Philosophy of Wilhelm Schuppe], *Voprosy filosofii i psihologii*, 1913, Vol. 118 (3), pp. 175–223. (In Russian)
- Yakovenko, B.V. *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy], trans. by Yu.N. Soloduchina. Moscow: Respublika Publ., 2003. (In Russian)